

Диагностическая скорлупа:
шарлатанство, магия и медицина
в мировоззрении Д.И. Хармса

Игорь А. Кравчук

ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом),

Санкт-Петербург, Россия, kolesovan@gmail.com

Аннотация. В тексте анализируется биографический и культурный контекст воспоминаний о Хармсе художницы А.И. Порет. Реконструируется отношение Хармса к клинической медицине, оккультным медицинским практикам и феномену медицинского шарлатанства, фальсификации медицинского знания как сознательной субверсивной практике. Рассматриваются медицинские сюжеты и образы врачей в прозаических и драматических произведениях Хармса. Выдвигается предположение о воздействии на Хармса образа Агриппы Неттесгеймского в романе В.Я. Брюсова «Огненный ангел» и книге Ж. Орсье «Агриппа Неттесгеймский: Знаменитый авантюрист XVI в.» (изданной в переводе на русский язык в 1913 г. с предисловием Брюсова). Намечается перспектива дальнейшего исследования темы.

Ключевые слова: Хармс, Порет, Брюсов, ОБЭРИУ, «Огненный ангел», Гёте, медицина, естественные мыслители, научное знание

Для цитирования: Кравчук И.А. Диагностическая скорлупа: шарлатанство, магия и медицина в мировоззрении Д.И. Хармса // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2023. № 1. С. 67–89. DOI: 10.28995/2658-4158-2023-1-67-89

Diagnostic walnut-shell: quackery, magic and medicine in the worldview of D.I. Harms

Igor A. Kravchuk

*The Institute of Russian Literature, RAS (Pushkin House),
Saint Petersburg, Russia, kolesovan@gmail.com*

Abstract. The text analyzes the biographical and cultural context of the memories of Harms by the artist A.I. Poret. Harms' attitude to clinical medicine, occult medical practices and the phenomenon of medical quackery, falsification of medical knowledge as a conscious subversive practice is being reconstructed. Medical subjects and images of doctors are considered in the prose and dramatic works of Harms. An assumption is put forward about the impact on Harms of the image of Agrippa Nettesheim in the novel by Valery Bryusov "The Fiery Angel" and the book by J. Orsier "Agrippa Nettesheim: the famous adventurer of the 16th century" (published in translation into Russian in 1913 with a preface by Bryusov). The prospect of further study of the topic is outlined.

Keywords: Harms, Poret, Bryusov, OBERIU, "The Fiery Angel," Goethe, medicine, natural thinkers, scientific knowledge

For citation: Kravchuk, I.A. (2023), "Diagnostic walnut-shell: quackery, magic and medicine in the worldview of D.I. Harms", *Studia Religiosa Rossica: Russian journal of religion*, no. 1, pp. 67–89, DOI: 10.28995/2658-4158-2023-1-67-89

Воспоминания художницы А.И. Порет (1902–1984) о Данииле Хармсе, впервые появившиеся в официальной печати в 1980 г., удостоились крайне противоречивой оценки читателей и специалистов. По общему мнению, обладая определенными художественными достоинствами, эти мемуары смещали акцент с творчества и мировоззрения Хармса на эксцентрику быта, ритуализацию повседневности (см. например [Александров 1993, с. 185]). Друзья Хармса прямо обвиняли Порет в недостоверности ее воспоминаний, клевете на обэриутов и самолюбования¹. Более сдержанно о воспоминаниях Порет отзывался А.А. Кобринский: он полагает, что достоверной оказывается переданная в тексте атмосфера эпохи,

¹ См.: Глебова Т.Н. Дневники. Воспоминания // Experiment/Эксперимент. 2010. Vol. 16. Iss. 2. P. 468; Письмо Т.А. Липавской к Г.Б. Викторовой // Введенский А.И. Всё [Приложение]. СПб., 2013. С. 579; Шанько Н.Б. Заметка о воспоминаниях А.И. Порет // Даниил Хармс глазами современников: воспоминания, дневники, письма. СПб., 2019. С. 371–372.

а отдельные колоритные эпизоды служат воссозданию живого образа Даниила Хармса [Кобринский 2020, с. 218].

Выносить окончательное суждение относительно достоверности мемуаров Порет мы не беремся. «Чудачества» Хармса, которые так щедро перечисляет мемуаристка, являются главной причиной, по которой исследователям ОБЭРИУ так сложно отказаться от обращения к этому источнику. Розыгрыши, провокации, экстравагантные выходки, скандалы органично вписываются в авангардные стратегии жизнотворчества, «взлома» повседневности, последовательного стирания границы между бытом и искусством, взаимного уничтожения их автономии. Настойчивость в осуществлении такой стратегии выделяла Хармса даже на фоне остальных обэриутов. По выражению Я.С. Друскина, «у Хармса всегда был примат жизни над искусством», «Хармсу было весьма важно сделать свою жизнь как искусство». «Хармс не был чудотворцем и не мог творить чудеса. И в этой невозможности творить чудеса обнаружилось величайшее чудо – чудо жизни, точнее – чудо жизни-творчества»². Л.Г. Панова полагает, что у Хлебникова, Ахматовой и Хармса *жизнотворческие практики* «достигли подлинного артистизма, став продуманными до мельчайших деталей, мимикрирующими под самой жизнью – и, как следствие, более действенными, успешными, трудно разоблачаемыми» [Панова 2018, с. 79]. Именно *тотальность* становится отличительной чертой хармсовского жизнотворчества [Кукулин 2005, с. 82–83; Кобринский 2008, с. 416–417; Иоффе 2012, с. 416–418].

Поведение Хармса, как его описала Порет, вполне соответствует этим оценкам. Хармсовские «шалости» – обмен шутивными репликами с нарочито серьезным выражением лица, методичный обман ожиданий, выстраивание сложной системы бытовых обрядов и провокаций – создают впечатление продуманной и цельной поведенческой системы, выходящей далеко за рамки спонтанного эпатажа. Неслучайно публикация в «Панораме искусств» вызвала живой отклик Ю.М. Лотмана³ с его неизменным интересом к семиотике поведения.

В нашей статье мы рискуем взять фрагмент из этих воспоминаний в качестве отправной точки исследования. Интересующий нас и, по-видимому, еще мало изученный аспект хармсовского жизнотворчества – *намеренная фальсификация* медицинского знания и врачебной практики. Как формировался хармсовский интерес к медицинским сюжетам? Ниже мы продемонстрируем, что вра-

² Друскин Я.С. Чинари // Аврора. 1989. № 6. С. 111, 112.

³ См.: Лотман Ю.М. Письмо Б.А. Успенскому <25 октября 1981 г.> // Лотман Ю.М. Письма. М., 1997. С. 624.

чевание последовательно выводится Хармсом за рамки научно обоснованной, конвенциональной медицины в область магической обрядности и художественной практики, а телесность, познание и авангардная эстетика синтезируются в единую жизнестроительную программу. Опираясь на тексты самого Хармса, его письма, стенограммы его разговоров и воспоминания о нем, мы попробуем дать систематическое описание ее основных черт.

Эпизод, с которого мы бы хотели начать, ценен в нескольких отношениях. Во-первых, лицо, упоминаемое в нем, скорее всего, реально – это подтверждается альтернативными источниками. Во-вторых, описанный в этом эпизоде ритуал как бы концентрирует в себе базовые житнетворческие установки Хармса. Фрагмент пространный, но придется привести его целиком.

Даниил Иванович бывал у нас почти ежедневно, поэтому я редко его навещала – только когда он болел. У нас был общий домашний врач – доктор Шапо. Он был «не совсем в норме», что сильно веселило нас и приводило в восхищение Хармса. «Самое важное – это диагноз, – рассказывал он всем, – важно определить болезнь (лечить может каждый)». Шапо придумал гениальный способ. Под кровать больного он ставил тазик с водой и пускал туда половинки скорлупы грецкого ореха с маленькими зажженными свечками внутри. По краям таза были прикреплены бумажки с надписями: воспаление легких, ревматизм, хандра обыкновенная, чума, ангина и прочее. Если скорлупка останавливалась да еще ко всему загоралась бумажка – значит, сомнений в диагнозе нет. Лечил этот врач, не уходя из квартиры, пока пациент не выздоравливал. Он питался в доме, спал на диванчике, выводил собак гулять, раскладывал пасьянсы и так замечательно ухаживал за больными, что очень было надежно и интересно болеть. Было одно неудобство – он любил пить и кофе, и водку, и чай, и вино, и выпивал, что давали, в очень большом количестве. Сидел за столом часами и с кем попало разглагольствовал, иногда срываясь дать лекарство или поставить горчичник больному. Тут-то и обнаруживали под его стулом лужицу. Даниил Иванович специально для него держал швабру в особом дезрастворе. Других врачей он презирал и издевался над ними сколько мог. Однажды, когда Хармс заболел воспалением легких, а доктор Шапо куда-то ушел «под воду» (он иногда терялся), пришлось вызвать врача из поликлиники. Осмотрев Даниила Ивановича и прописав рецепты, врач сказал уходя: «Самое нужное вам – свежий воздух, надо проветривать комнаты, у вас накурено... Я приду через два дня», – и опять долго говорил о хорошем воздухе. Хармс вызвал меня по телефону, жалобным голосом просил прийти, чтобы встретить врача.

Комната его была так наполнена всякими затейливыми придумками, что описать ее нет сил. Проволоки и пружины тянулись в разных направлениях, на них висели, дрожали и переплетались какие-то коробочки, чертики, символы и эмблемы, и все это менялось по мере появления новых аттракционов. Было много книг, среди них разные раритеты – Библия на древнееврейском, огромная толщенная книга «Черная магия», какие-то старые манускрипты.

Окна были заклеены бумагой наглухо, запах был чудовищный, на голове у больного – дамская шляпка с пером, поверх какой-то коврик с бахромой, на руках разные перчатки. Когда пришел доктор, я вышла. За дверью было слышно, как он орал, а Даниил Иванович что-то тихо отвечал. Потом доктор вылетел из двери, схватил пальто и, крикнув мне в лицо: «Сумасшедший, издевательство, болван», – полетел на следующий вызов. Когда я вошла, Даниил Иванович, совсем одетый, бритый, безупречно вежливый, подвинул мне кресло и предложил прочесть стихи, написанные в мою честь. Назывались они: «От чистых легких». Я увидела, что бумага на окнах проткнута в нескольких местах, – оказывается, это Даниил Иванович сделал наспех карандашом, когда доктор сказал [ему], что в комнате темно.

– А как вы добились такого необыкновенного зловония? – спросила я.

Тут Даниил Иванович просиял и, вынув из-под кровати коробку с капустными кочерыжками, показал мне ее жестом скромного изобретателя⁴.

О загадочном целителе Хармс пишет своей тетке Н.И. Колюбакиной 21 сентября 1933 г.: «Я показывал ногу д-ру Шапо. Он пробормотал несколько латинских фраз, но, судя по тому, что велел мне пить дрожжи, согласен с твоим мнением. Кстати дрожжей нигде нет»⁵. Небольшой автограф этого человека сохранился и в записной тетради Хармса – это приписка к черновикам стихотворения о Ленскупторге «Что за люди там и тут...»⁶ Вспоминал Шапо также искусствовед и литератор В.Н. Петров (1912–1978), общавшийся с Хармсом в последний период его жизни. Как писал Петров, Хармса чрезвычайно занимал тип так называемых «естественных мыслителей». Согласно В.И. Шубинскому, термин этот «появляется в записях Хармса с 1930 г.» [Шубинский 2008, с. 298], когда тот вынашивал идею специального вечера в Ленинградском доме

⁴ Цит. по: *Порет А.И.* Воспоминания о Данииле Хармсе // Даниил Хармс глазами современников: воспоминания, дневники, письма. СПб., 2019. С. 357–358.

⁵ *Хармс Д.И.* Полное собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. СПб., 2001. С. 56.

⁶ Там же. С. 201.

печати. Вечер так и не состоялся, однако привязанность Хармса к открытому им типу сохранилась надолго. Вот как определял «естественных мыслителей» В.Н. Петров:

Это была совершенно особая категория его знакомых, по большей части найденная случайно и где придется – в пивной, на улице или в трамвае. <...> Их всех отличали высоко ценимые Хармсом черты – независимость мнений, способность к непредвзятым суждениям, свобода от косных традиций, некоторый алогизм в стиле мышления и иногда творческая сила, неожиданно пробужденная психической болезнью. Все это были люди с сумасшедшинкой; люди той же категории, из которой выходят самодеятельные художники примитивисты (*Naive Kunst*), нередко превосходные, или просто народные философы-мистики, нередко весьма примечательные. В ежедневном общении они обычно бывают трудны и далеко не всегда приятны. Даниил Иванович приводил их к себе и обходился с ними удивительно серьезно и деликатно.

Я думаю, что его привлекал в первую очередь его алогизм или, вернее, особенная, чуть сдвинутая логика, в которой он чувствовал какое-то родство с тайной логикой искусства [Александров 1993, с. 196–197].

Шапо Петров помещал в тот же ряд, хотя и с оговоркой, что тот, «пожалуй, был скорее просто милым чудачком, чем “мыслителем”»⁷. «Естественные мыслители» попадают в список предметов, интересных Хармса, приведенный в «Разговорах» Л.С. Липавского⁸. Критериям «естественного мыслителя» во многом удовлетворял и глава «Ордена заумников DSO» А.В. Туфанов, оказавший в 1920-х гг. влияние на поэтическое становление Хармса и Введенского. Роль «естественного мыслителя» Хармс, по всей видимости, примерял и на самого себя: по словам В.И. Шубинского, он «не проводил границы между смешным и гротескным миром “мыслителей” и собственной, серьезной, подлинной духовной жизнью. Прежние критерии академической и мелкобуржуазной респектабельности отменены историей; <...> если уж не удалось стать признанными эстетическими революционерами, знаменитыми мастерами “реального искусства”, такими как Малевич или Мейерхольд, – почему бы и самим не попробовать роль “естественных мыслителей”?» [Шубинский 2008, с. 300]

⁷ Там же. С. 197.

⁸ См.: *Липавский Л.С.* Разговоры // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 175.

Обратим внимание, что в примере из мемуаров Порет Хармс и Шапо в равной мере следуют *modus operandi* «естественного мыслителя»: Шапо – не только живой экспонат коллекции Хармса, но и его *соучастник*. Профанация научной рациональности (обязательное условие для всякого уважающего себя «естественного мыслителя») в полной мере раскрывает себя в диагностике по скорлупе в тазу. Как и в соседних эпизодах, речь идет не просто о «чуждачествах», но о некоей системе, выстроенной вокруг очевидного контраста: чрезвычайное почтение к «доктору», определяющему диагноз при помощи гадания, и одновременно расчетливое издевательство над дипломированным врачом из советской поликлиники, носителем рационального знания, приверженцем дисциплины и гигиены.

Перед нами будто бы продолжение хармсовских сочинений. В самом деле, на протяжении всего творчества Хармса мы сталкиваемся с текстами, в которых строгая и, что самое важное, *специализированная* медицинская наука, подвергается либо деформации, либо деконструкции, либо прямому поношению. В стихотворениях, сценках, прозаических миниатюрах Хармса врач, как правило, либо напыщенный невежда и обманщик, либо маг, посредник между миром живых и миром мертвых, либо откровенный садист, убийца. Рассмотрим несколько примеров.

В «Истории Сдыгр Аппр» (1929) Петр Павлович, оторвав руку Андрею Семеновичу и отказавшись ее возвращать, рекомендует своему приятелю обратиться к медицинскому светилу – профессору Тартарелину, чтобы тот его вылечил. Поведение профессора заставляет усомниться в его компетентности.

Осмотрев плечо Андрея Семеновича, профессор закурил трубку-папиросу и вымолвил:

– Это крупная шшадина.

А н д р е й С е м е н о в и ч: Простите, как вы сказали?

П р о ф е с с о р: Сшадина.

А н д р е й С е м е н о в и ч: Ссадина?

П р о ф е с с о р: Да, да, да. Шатина. Ша-тин-на!

А н д р е й С е м е н о в и ч: Хороша ссадина, когда руки-то нет!⁹

Прежде чем приступить к лечению Андрея Семеновича, профессор хочет прочитать свою науку, изложенную в стихах: «Вот, хе-хе, я вам почту отсюда досюда. Тут вот о внутренних органах, а тут уже о суставах». Начать чтение профессору не удается –

⁹ Хармс Д.И. История Сдыгр Аппр // Хармс Д.И. Полное собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1997. С. 8.

появляется Петр Павлович и в ходе выяснения того, как же все-таки Андрей Семенович остался без руки, откусывает профессору ухо. Интересно, что перед этим Тартарелин фактически признает бессилие человеческого разума перед высшими силами: «Стечение обстоятельств. Это верно. Закон»¹⁰. Посрамление и профанация медицины и академической науки (когда единственной познаваемой закономерностью оказывается *стечение обстоятельств*) становится одним из главных мотивов пьесы.

– Мы можем и на научные темы поговорить, – сказали милиционеры хором. <...>

– Земля имеет семь океанов, – начали милиционеры. – Научные физики изучали солнечные пятна и привели к заключению, что на планетах нет водорода, и там неуместно какое-либо сожительство.

В нашей атмосфере имеется такая точка, которую всякий центр зашибет.

Английский крематорий Альберт Эйнштейн изобрел такую махинацию, через которую всякая штука относительно¹¹.

Другой показательный случай – текст под названием «Всестороннее исследование» (1937). По сюжету произведения, некий Доктор путем речевых манипуляций полностью подчиняет себе волю некоего Ермолаева и заставляет его принять какую-то *исследовательскую пиллюлю*. Проглотив ее, Ермолаев испытывает острый приступ удушья, в глазах у него зеленеет, и он быстро умирает на глазах у Доктора. Доктор это явно предвидит и даже предупреждает Ермолаева, что тот сейчас скончается. Сцена завершается ремаркой Доктора: «Замолчал. И не дышит. Значит, уже умер. Умер, не найдя на земле ответов на свои вопросы. Да, мы, врачи, должны всесторонне исследовать явление смерти»¹². Принципы медицинской науки трансформируются вследствие вторжения потусторонней реальности в реальность конвенциональную. Это *карнавальная медицина*, медицина перевернутого мира. На другом уровне интерпретации Доктора вполне можно объявить шарлатаном, убийцей, испытывающим на своих доверчивых собеседниках принцип действия тех или других ядов. Анализируя эту сценку, А.А. Кобринский предполагает, что образ Доктора «был навеян влиянием одного из любимых романов Хармса – “Голема” Густава Мейринка...» [Кобринский 2009, с. 462] В романе фигурирует зловецкий окулист

¹⁰ Там же. С. 8, 10.

¹¹ Там же. С. 11.

¹² *Хармс Д.И.* Всестороннее исследование // Хармс Д.И. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 124.

Вассори: обманом и угрозами слепоты он подчиняет себе воображение и волю практически здоровых людей, после чего необратимо их калечит. Другая перспективная параллель, предложенная литературоведом, это сфальсифицированное дело выдающегося врача, терапевта и кардиолога, профессора Д.Д. Плетнева. 8 июня 1937 г., незадолго до появления хармсовского текста, в газете «Правда» вышла разоблачительная статья под заголовком «Профессор – насильник, садист». Плетнев публично обвинялся в том, что во время осмотра укусил свою пациентку за грудь, что привело ее к хроническому заболеванию, стойкой утрате трудоспособности и психического равновесия. Плетнев стал одним из подсудимых Третьего Московского процесса, был приговорен к 25 годам тюремного заключения и погиб в 1941 г. [Кобринский 2009, с. 462–463].

Ближе всего к устрашающему образу доктора-садиста оказывается доктор из рассказа Хармса «Рыцари» (1940), осуществляющий настоящую казнь старухи Звякиной, сломавшей себе обе челюсти при падении на пол. Доктор без наркоза при помощи молотка и стамески раздробляет сломанные челюсти и вырывает у старухи изо рта окровавленные куски. Не выдержав этой процедуры, пациентка умирает. Свойственное медицине стремление дисциплинировать человеческий организм, взять его под контроль, установить точное отношение индивидуального случая к общей практике в рассказе Хармса доводится до своего пугающего предела. Невозможность вылечить Звякиной челюсти нормальным образом как бы приравнивается к несостоятельности Звякиной в качестве живого существа. Грубое, предельно травмирующее удаление челюстей становится сродни списанию, утилизации самой Звякиной. Веревка, стамеска и молоток в качестве хирургических инструментов уподобляют пациента неживой, косной материи, неподатливому строительному материалу, от которого надлежит отсечь все лишнее. Конечно, такое оснащение может указывать и просто на то, что перед нами в действительности не врач, а только лицо, выдающее себя за врача, либо принимаемое за врача живущими в доме старухами. Обратим внимание еще на одну деталь: в хирургии в самом деле используются такие инструменты, как *молоток и стамеска*. Однако то, что из всего набора хирургических приспособлений Хармс выбирает именно эти, наименее ассоциирующиеся с терапией и наиболее похожие на предметы из обихода столяра, вряд ли может быть случайностью.

Идейной и логической антитезой научной медицине с ее склонностью к овеществлению пациента можно считать «врачебное предписание» Ангела Копусты¹³ из ранней хармсовской пьесы

¹³ О генезисе персонажа см.: [Панова 2018, с. 445–446].

«Лапа» (1930): «Сейчас господствует эпидемия брюшного тифа, но не беда. Надо только утром и вечером потирать ладошкой живот и приговаривать: Бурчи, да не болей»¹⁴. Наиболее красноречивым снижающим качеством Ангела, без сомнения, является его привычка питаться зерном из навоза (а порой и «вприкуску» с навозом) и даже рвотными массами¹⁵. Другим способом снижения сакрального образа выступает в «Лапе» пародийная таксономия: «...по классификации профессора Пермякова, очевидно, антирелигиозной, Ангел, как имеющий крылья, обречен на заточение в Птичнике вместе со звездами-птицами» [Панова 2018, с. 447]. Нельзя не заметить, что такой подход к Ангелу Копусте дискредитирует не только его небесный чин, но и примененную к нему научную классификацию. Как отмечает А.А. Кобринский, диалог Марии Ивановны и Копусты в целом представляет собой «развернутую пародию на приемы формальной логики» [Кобринский 2009, с. 184].

Примерно в то же время, что и «Рыцари», Хармс пишет позднюю вариацию сюжета «Всестороннее исследование», текст, именуемый обычно по начальной фразе «На кровати метался полупрозрачный юноша» <1940>. Главный герой в нем находится в пограничном пространстве между бытием и небытием. В комнате, где с юношей происходит не до конца ясная нам метаморфоза, присутствуют его мать и «господин в крахмальном воротничке», предположительно врач. Как и во «Всестороннем исследовании», диалог юноши и доктора построен отчасти на языковой игре, мотивированной уже не чистым речевым парадоксом или злым умыслом одного из героев, а недосказанностью, при которой герои знают что-то, чего не знает читатель, кроме того, каждый из них не до конца понимает положение своего собеседника. Фигура таинственного «доктора» здесь колеблется между образами злоумышленника, экспериментатора и медиума, мага, который провожает своего подопечного в другой мир. Клише из разговоров врачей с обреченными пациентами обретают новое содержание: доктор утаивает от больного истину не только и не столько потому, что она катастрофична, сколько потому, что пациент в самом деле не способен ее постичь.

- Доктор, скажите мне откровенно: я умираю?
- Видите ли, — сказал доктор, играя цепочкой от часов. — Я бы не хотел отвечать на ваш вопрос. Я даже не имею права отвечать на него.
- То, что вы сказали, вполне достаточно, — сказал юноша. — Теперь я знаю, что надежд нет.

¹⁴ Хармс Д.И. Лапа // Хармс Д.И. Полное собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1997. С. 136.

¹⁵ Там же. С. 137, 138.

– Ну, уж это ваша фантазия, – сказал доктор. – Я вам про надежды не сказал ни слова.

– Доктор, вы меня считаете за дурака. Но уверяю вас, что я не так глуп и прекрасно понимаю свое положение.

Доктор хихикнул и пожал плечами.

– Ваше положение таково, – сказал он, – что понять вам его невозможно¹⁶.

Для того чтобы разобраться в истоках этих сюжетов и мотивов у Хармса, обратимся к его записным книжкам. Значительную их часть составляют библиографические выписки: это книги, которые Хармс прочел, собирался прочесть, намеревался приобрести или искал. В записной книжке № 8¹⁷ (1926–1927 гг.) встречаем обширные выписки из авторских комментариев В.Я. Брюсова к роману «Огненный ангел» (1905–1907)¹⁸. Как видим, больше всего Хармса привлекал не столько сам сюжет романа, сколько информация о практической магии, алхимии, ведовстве, которой щедро делился со своим читателем Брюсов¹⁹. В этих выписках встречаем имя Агриппы (Генриха Корнелиуса) Неттесгеймского (1486–1535), одного из самых экстравагантных и загадочных европейских интеллектуалов эпохи гуманизма. Астролог, алхимик, философ, юрист, врач, Агриппа снискал себе славу глубокого знатока магии и одного из главных теоретиков оккультизма благодаря трактату *De Occulta Philosophia (О тайной/сокровенной философии)*. Отдельные книги трактата выходили в 1531 г. в Париже, Кельне и Антверпене, а первое сводное издание вышло в Кельне в 1533 г. Достоверно принадлежащими перу Агриппы признаются три книги трактата, но иногда к ним прибавляется и четвертая, авторство которой оспаривается. К 1531 г. относится и другой важный труд Агриппы – *De incertitudine et vanitate omnium scientiarum*

¹⁶ Хармс Д.И. На кровати метался полупрозрачный юноша... // Хармс Д.И. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 155–156.

¹⁷ По нумерации В.Н. Сажина.

¹⁸ См.: Хармс Д.И. Записные книжки. Дневник. Кн. 1. СПб., 2002. С. 86–88.

¹⁹ См., например: «Сохранилось немало рецептов той мази, которой намазывали себя ведьмы и ведуны перед полетом на шабаш. Вот один из таких рецептов, сообщаемый Иеронимом Карданом (1501–1576): сваренный жир младенца, сок опиха [у Брюсова – *опихи*] (*opium*), волкозуб (*aconitum*), жбаник (*potentilla reptans*), паслен (*solanum*), сажа (Hieronymus Cardanus. *De Subtilitate. Lib. XVIII*)» (Хармс Д.И. Записные книжки. Кн. 1. С. 86; Брюсов В.Я. Огненный ангел // Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4. М., 1974. С. 308).

et artium (*О недостоверности и тщете всех наук и искусств*) – это критика мертвого схоластического знания, академического начетничества. Историки европейской мысли нередко именуют этот памфлет манифестом ренессансного пирронизма [Скиннер 2018, с. 367–368; Lehigh 2003, pp. 74–77; Богуславский 1990, с. 74–75]. В «Огненном ангеле» – виртуозной стилизации под немецкий роман XVI в. – Агриппа являлся одним из действующих лиц. Именно к нему в Бонн отправляется главный герой произведения Рупрехт, желая получить от прославленного ученого наставления по обращению с таинственными силами. Опираясь на оккультные знания, Рупрехт надеется отыскать возлюбленного Ренаты графа Генриха. Сам Агриппа, когда Рупрехт наконец добивается личной аудиенции, раздраженно отклоняет притязания влюбленного ландскнехта:

В предисловии у меня сказано ясно и твердо, что маг должен быть не суевером, не кознодем и не демониаком, но мудрецом, священнослужителем и пророком. Истинным магом почитаю я сибиллу, пророчившую в язычестве о Христе, и тех трех царей, которые, узнав из дивных мировых тайн о рождении спасителя мира, поспешили с дарами к колыбели-яслям. Вы же, по-видимому, ищете в магии, как и большинство, не сокровенного знания о природе, но разных ловких средств, чтобы вредить ближним, чтобы добывать богатства, чтобы разузнавать о завтрашнем дне; но за такими сведениями надо идти к фокусникам и шарлатанам, а не к философу. Книга моя «О сокровенной философии» написана мною в юности и содержит много несовершенного, но всё же представляет только обзор всего сказанного о магии, дабы любознательный ум мог проследить все отрасли этой науки, но никогда никого не приглашал я пускаться в тёмные и не заслуживающие одобрения опыты гоетей!²⁰

Агриппа со всей ясностью заявляет о себе как о безоговорочном приверженце так называемой белой магии, помещая свои разыскания в один ряд с учениями Марсилио Фичино, Пико делла Мирандолы, Иоганна Рейхлина. Цель магии – всеобъемлющее знание, постижение различных сил, управляющих миром, и их взаимоотношений, иерархии вещей, явлений и качеств.

Впрочем, репутация Агриппы в веках осталась неоднозначной. Его заслуги ученого и мыслителя долгое время оставались в тени его образа чародея и авантюриста. Вспомним роман Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», где Гер-триппа (прозрачное указание на Агриппу) диагностирует Панурга как роконосца, опираясь на физиогномику

²⁰ Брюсов В.Я. Указ. соч. С. 129–130.

и гадания²¹. Брюсов был одним из главных защитников репутации Агриппы в России и вообще одним из главных пропагандистов его учения. В 1913 г. в издательстве «Мусажет» вышла книга Жозефа Орсье «Агриппа Неттесгеймский: Знаменитый авантюрист XVI в.» в переводе Брониславы Рунт (Погореловой) и с обстоятельным предисловием Брюсова. Для Брюсова и Орсье Агриппа –

«оклеветанный ученый», «вина» которого перед современниками заключается лишь в том, что в период резкого распада средневекового общества на рационалистов и мистиков-обскурантов Агриппа предпочел не выбирать сторону, а сохранил интеллектуальную независимость и приверженность синтетическому знанию.

Как все выдающиеся люди той эпохи, он обладал познаниями энциклопедическими, брался за все, от военного дела до магии, от должности инженера до места историографа, был то юристом, то медиком, то теологом и, не имея на то никаких официальных прав, писал на заглавии своих книг после своего имени «доктор обоих прав и медицины»²².

Предметом отдельного исследования, как нам кажется, мог бы стать вопрос об Агриппе (в изображении Брюсова и Орсье) как об одном из прототипов хармсовского чудотворца, не совершившего ни единого чуда. О нем пытается написать свой рассказ герой-рассказчик повести «Старуха» (1939). И в биографии Орсье, и в романе «Огненный ангел» Агриппа – человек, которого все считают способным на любые чудеса, но который до конца своих дней стремится опровергнуть свою репутацию чудотворца, ведь под чудесами невежественный обыватель подразумевает творения *черной*

²¹ В 1935 г. в свет вышло переложение романа Рабле для детей старшего возраста, подготовленное Заболоцким. Объясняя на страницах газеты «Литературный Ленинград» свой метод переработки текста, Заболоцкий, в частности, писал, что для детской аудитории ему потребовалось сделать более ясным, наглядным основной посыл книги: «С такой же настойчивостью, с какой Пантагрюэль и его друзья пробирались к Оракулу, необходимо стремиться к Знанию, к трезвому изучению природы и ее законов – такова в конечном счете мораль Рабле» (*Заболоцкий Н.А.* Рабле – детям [1935] // Заболоцкий Н.А. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 1983. С. 529). В целом знакомство Хармса с текстом «Гаргантюа и Пантагрюэля» представляется не нуждающимся в специальных доказательствах, но можно указать и на то, что в его записной книжке 1933 г. выписаны библиографические данные разных переводов этого произведения на русский язык (см.: *Хармс Д.И.* Записные книжки. Дневник. Кн. 2. СПб., 2002. С. 63).

²² *Брюсов В.Я.* Оклеветанный ученый // Орсье Ж.Ф. Агриппа Неттесгеймский: Знаменитый авантюрист XVI в. М., 1913. С. 9, 11.

магии, своекорыстное трюкачество. Высший род магии не имеет ничего общего с подобными вещами.

В романе Брюсова Рупрехт встречается не только с Агриппой, но и с доктором Иоганном Фаустом, который пренебрежительно говорит об ученом как о человеке «очень трудолюбивом, но не одаренном»²³. С точки зрения Фауста, Агриппа не понимает специфики магического знания.

Образ Фауста в творческом мире Хармса наделяется особым значением. Достаточно указать на текст «Месь» (1930), главным героем которого является Фауст, одержимый видением Маргариты и пререкающийся с писателями. В контексте «медицинской поэтики» Хармса интерес представляет черновик одного из его писем, приблизительно датируемый 1933–1934 гг. Хармс обращается в нем к неназванному лицу «Доктор» и вспоминает свою курскую ссылку, длившуюся четыре месяца с июля по октябрь 1932 г. Из письма становится понятно, что речь идет об уважаемом курском враче, директоре туберкулезного диспансера И.Б. Шейндельсе²⁴. Период курской ссылки стал единственным периодом в жизни Хармса, когда ему совершенно не хотелось насмехаться над профессиональной медициной: впервые надолго покинув Ленинград, он погружается в депрессию, его почти убивает ипохондрия, он голодает и в самом деле заболевает, но не может понять, что с ним, подозревая у себя то туберкулез (от которого в свое время умерла его мать), то осложненный грипп, то плеврит. Именно Шейндельс развеивает страхи и сомнения Хармса, определяет у него плеврит и успешно излечивает этот недуг. На фоне разлада с Введенским, уехавшим в итоге отбывать ссылку из Курска в Вологду, Шейндельс становится для Хармса духовно близким собеседником:

Я до сих пор называю Вас «доктор», но в этом уже нет ничего медицинского: это скорее в смысле «Доктор Фауст». В Вас еще много осталось хорошего германского, не немецкого (немец – перец колбаса и т. д.), а настоящего германского Geist'a, похожего на орган. Русский дух поет на клиросе хором, или гнусавый дьячок – русский дух. Это, всегда, или Божественно, или смешно. А германский Geist – орган. Вы можете сказать о природе: «Я люблю природу. Вот этот кедр, он так красив. Под этим деревом может стоять рыцарь, а по этой горе может гулять монах». Такие ощущения закрыты для меня. Для меня что стол, что шкап, что дом, что луг, что роща, что бабочка, что кузнечик – все едино²⁵.

²³ См.: Брюсов В.Я. Огненный ангел. С. 205.

²⁴ Более подробно о взаимоотношениях Хармса и Шейндельса см. [Кобринский 2009, с. 231–234].

²⁵ Хармс Д.И. Полное собрание сочинений. Т. 4. СПб., 2001. С. 91.

В интерпретации Гете духовный кризис, поразивший Фауста и приведший того к сделке с Мефистофелем, вызван фундаментальным противоречием между *знаниями* и *знанием*, иными словами, между обособленным друг от друга сводами знаний и главным, синтетическим знанием, между истиной научной и истиной абсолютной, открывающей человеческому разуму и духу безграничные возможности. Известный монолог Фауста в первой части гетевской трагедии исчерпывающе описывает этот парадокс:

Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом...
Увы! с усердьем и трудом
И в богословье я проник, —
И не умней я стал в конце концов,
Чем прежде был... Глупец я из глупцов!
<...>
И вижу всё ж, что не дано нам знания!²⁶
<...>
Вот почему я магии решил
Предаться: жду от духа слов и сил,
Чтоб мне открылись таинства природы,
Чтоб не болтать, трудясь по пустякам,
О том, чего не ведаю я сам,
Чтоб я постиг все действия, все тайны,
Всю мира внутреннюю связь;
Из уст моих чтоб истина лилась,
А не набор речей случайный²⁷.

Как показал в своей блестящей статье И.В. Кукулин, Хармс, не просто ценивший Гете, но во многом и напрямую отождествлявший себя с ним, видел в нем не просто гениального поэта, но и *дилетанта*, не скованного академическими дисциплинарными догмами, познающего природу свободным, незашоренным умом. Анализируя «Разговоры» Л.С. Липавского, Кукулин пришел к выводу, что такое понимание Гёте в той или иной степени разделялось большинством поэтов и мыслителей, принадлежавших к «чинарско-обэриутскому кругу» [Кукулин 2005, с. 77–80]. Кроме того, Кукулин отмечает, что взгляды чинарей на личность и мировоззрение Гёте совпадали со взглядами Вячеслава Иванова. Ср.:

²⁶ В оригинале: «Und sehe, daß wir nichts wissen können!» – «И вижу, что мы ничего не можем знать!»

²⁷ *Götte I.V.* Фауст / Пер. Н.А. Холодковского. М., 1912. С. 8.

Ему был противен навык профессиональных естествоиспытателей его времени подходить к исследованию природы, природы как к изучению бездушного механизма²⁸.

Гёте умел выбирать для исследования такие области, где не требуется специальных знаний или способностей. Он внимательно слушал, что говорила природа. И поэтому он вобрал в себя два столетия, XVIII и XIX, а своим учением о цветах зашел еще дальше. В этом, а не в его одаренности, главное его величие²⁹.

Круг и стиль чинарских дискуссий, зафиксированных Леонидом Липавским в «Разговорах», был и всеобъемлющим, и специфически дилетантским: это авторефлексивное, не чуждое самопародии, театрализованное рассмотрение вопросов медицины, диеты, сексуальности, психоанализа, смерти, современных теорий в физике и эволюционной биологии. В дискуссиях чинарей также нередки обсуждения уязвимости современной университетской науки, прослеживается общее желание подвергнуть этот тип учености испытанию, провокации, как в реплике Хармса:

В Н.М. [Олейникове] необычная озлобленность. Среди нас, правда, нет хороших людей; но Н.М. обладает каким-то особым разрушительным талантом чувствовать безошибочно, где что непрочно, и одним словом делать это всем ясным. <...> В этом и его остроумие. И даже его теории пропитаны тем же. Разве можно придумать что-либо более оскорбительное, от чего ученый физик, если бы услышал, полез на стенку, что-либо вернее попадающее в слабый пункт физики, как утверждение, что свет вообще не имеет скорости, распространяется мгновенно?³⁰

Черногорская исследовательница Т. Йовович характеризует работу Хармса с научными темами и мотивами как «симулирование науки» [Йовович 2011]. Сам Хармс в записях Липавского дает себе и своим единомышленникам такое примечательное определение:

Среди нас есть такие, путь которых уверен и ясен. У них есть профессия. Другие в очень рискованном положении: они как бы создают новые профессии. Конечно, у нас в чем-то, в чутье, есть преимущество

²⁸ *Иванов Вяч.И.* Гете на рубеже двух столетий // *Иванов Вяч.И.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 143.

²⁹ *Липавский Л.С.* Разговоры. С. 218.

³⁰ *Липавский Л.С.* Разговоры. С. 233.

перед настоящими учеными; но нет необходимого – знаний. Наше общество можно вернее всего назвать обществом малограмотных ученых³¹.

Этот же термин встречается в письме Хармса А.И. Пантелееву из курской ссылки 10 августа 1932 г., причем соседствует он с другим хорошо знакомым нам термином – «естественный мыслитель»:

...написал два трактата о числах. Ими доволен вполне. Удалось вывести две теоремы, потом опровергнуть их, потом опровергнуть опровержение, а потом снова опровергнуть. На этом основании удалось вывести еще две теоремы. Это гимнастический ход, но это не только гимнастика. Есть прямые следствия этих теорем, слишком материальные, чтобы быть гимнастикой. Одно из следствий, например, это определение абсолютного температурного нуля. Выводы оказались столь неожиданными, что я, благодаря им, стал сильно смахивать на естественного мыслителя. Да вдобавок еще естественного мыслителя из города Курска. Скоро мне будет как раз к лицу заниматься квадратурой круга или трисекцией угла.

Деятельность малограмотного ученого всегда была мне приятна. Но тут это становится опасным³².

Антитезой «малограмотного ученого» является ученый настоящий, однако замкнутый в собственном самодовольстве. Его знания достоверны, но бессильны и ничтожны, как у профессора Тартарелина. Вероятно, размышления Хармса над разными типами ученых нашли отражение и в образе из его детских произведений – профессоре Трубочкине. Хармс писал о приключениях профессора и его помощника мальчика Феди Кочкина для журнала «Чиж» в 1933 г. Знакомство читателей «Чижа» с профессором начинается с обманутого ожидания – перед ними предстает не сам Трубочкин, а мальчик Федя, комично выдававший себя за ученого. Пытаясь продемонстрировать свое умение летать, лжепрофессор разбегается по редакторскому столу, прыгает, распахивает плащ и с грохотом падает. После чего с тем же успехом пытается показать свое умение складывать «два числа любой величины»:

- А ну-ка, – сказал редактор, – сколько будет три и пять?
- Четыре, – сказал профессор.
- Нет, – сказал редактор, – вы ошиблись.
- Ах да, – сказал профессор, – девятнадцать!

³¹ Там же.

³² Хармс Д.И. Полное собрание сочинений. Т. 4. СПб., 2001. С. 70.

– Да нет же, – сказал редактор, – вы ошиблись опять. У меня получилось восемь³³.

Наконец, «профессор» экспромтом пишет для редактора «очень хорошие стихи» «на фистольском»:

- Это такой язык? – спросил редактор.
- Да, на этом языке говорят фистольцы, – сказал профессор Трубочкин.
- А где живут фистольцы? – спросил редактор.
- В Фистолии, – сказал профессор.
- А где Фистолия находится? – спросил редактор.
- Фистолия находится в Компотии, – сказал профессор.
- А где находится Компотия? – спросил редактор.
- В Чучечии, – сказал профессор.
- А Чучечия?
- В Бамбамбии.
- А Бамбамбия?
- В Тилипампампии.
- Простите, профессор Трубочкин, что с вами? – сказал вдруг редактор, вытаращив глаза. – Что с вашей бородой? Борода профессора лежала на столе.
- Ах! – крикнул профессор, схватил бороду и бросился бежать³⁴.

В дальнейших частях повествования выясняется, что настоящего профессора Трубочкина похитил ужасный и невежественный великан Софрон Бобов. Бобов называет Трубочкина своим врачом и не дает ему ответить на вопросы любознательных подписчиков «Чижа». В конце концов профессору удается освободиться из плена. О своем пребывании у Бобова Трубочкин рассказывает: «Два месяца подряд мы вели с ним научный спор о том, кто сильнее: лев или тигр»³⁵. В архиве Хармса есть отвергнутые варианты сюжета о Бобове и Трубочкине. В одном из них противопоставление учености и невежества достигает гротескной резкости:

- Ты, профессор Трубочкин, знаешь все, – говорил великан Бобов. – А я ничего не знаю. Почему это так?
- Потому что ты лентяй. Вот почему ты ничего не знаешь, – сказал профессор Трубочкин. – А я знаю так много, потому что я все время

³³ Хармс Д.И. Профессор Трубочкин // Хармс Д.И. Полное собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1997. С. 157.

³⁴ Там же. С. 158.

³⁵ Там же. С. 165.

что-нибудь изучаю. Вот даже сейчас, я лежу связанный, разговариваю с тобой, а сам в голове повторяю таблицу умножения.

– Ох, эта таблица умножения! – сказал великан Бобов. – Сколько я ее ни учил, так и не мог выучить. Одиножды один – четыре! Это я еще запомнил, а уж зато больше ничего в голове не осталось!

– Да, наука легко не дается...³⁶

Такой диалог гипотетически мог происходить и в «Истории Сдыгр Аппр» между профессором Тартарелиным и любым из его посетителей.

Тематической параллелью к анекдоту, рассказанному в своих мемуарах Алисой Порет, может выступать и вымышленный брат Хармса – приват-доцент Санкт-Петербургского университета Иван Иванович Хармс. На дружеских встречах Даниил Иванович иногда перевоплощался в Ивана Ивановича – «напыщенного, самодовольного, донельзя глупого» [Кобринский 2009, с. 292]³⁷. Сохранилась фотография, на которой Хармс запечатлен в обличье приват-доцента [Шубинский 2008, с. 194].

Суммируя наши наблюдения, можно сказать, что взаимоотношения Хармса с наукой и клинической медициной были напрямую обусловлены эстетическими и философскими взглядами чинарей. Ученый дилетант, самоучка, «естественный мыслитель», шарлатан, маг, самопровозглашенный чародей в системе хармсовских суждений олицетворяют не опосредованное формальным академическим языком стремление познать природу вещей. На другом полюсе – сухая, изолированная от жизни наука, та медицина, которая лишь *предписывает*, но не *познает*. От врача-педанта, врача-служащего – один шаг до врача-садиста, который будет травить и калечить своих пациентов. Вполне возможно, противоречие между рассказом о докторе Шапо и поведением Хармса в Курске есть противоречие мнимое. Доктор Шапо и доктор Шейндельс в известном смысле оказываются фигурами одного порядка, противостоящими врачу из поликлиники, над которым Хармс так жестоко поглумился в Ленинграде. Шейндельс – конечно, не шарлатан и не «естественный мыслитель», но он и не простой врач. Для Хармса этот человек был носителем важных духовных качеств. Инструменты подлинного познания вполне могут включать в себя философское или пророческое откровение, парадокс, магию, намеренное нарушение логических связей. Сопоставим эту гипотезу с декларацией ОБЭРИУ 1928 г.:

³⁶ Там же. С. 301–302.

³⁷ Альтернативная интерпретация этого образа: [Шубинский 2008, с. 193].

Если актер, изображающий министра, начнет ходить по сцене на четвереньках и при этом – выть по волчьему; или актер, изображающий русского мужика, произнесет вдруг длинную речь по латыни, – это будет театр, это заинтересует зрителя – даже если это произойдет вне всякого отношения к драматическому сюжету. Это будет отдельный момент, – ряд таких моментов, режиссерски организованных, создадут театральное представление, имеющее свою линию сюжета и свой сценический смысл. <...>

Придя к нам, забудьте все то, что вы привыкли видеть во всех театрах. Вам, может быть, многое покажется нелепым. Мы берем сюжет – драматургический. Он развивается в начале просто, потом он вдруг перебивается как будто посторонними моментами, явно нелепыми. Вы удивлены. Вы хотите найти ту привычную логическую закономерность, которую – вам кажется – вы видите в жизни. Но ее здесь не будет! Почему? Да потому, что предмет и явление, перенесенные из жизни на сцену, – теряют «жизненную» свою закономерность и приобретают другую – театральную³⁸.

Точно так же нелепая, гадательная, магическая медицина выявляет скрытую сущность вещей присущими ей способами.

Завершим мы эту статью указанием на другую исследовательскую перспективу. Тот ряд культурных ассоциаций, в который мы включили Агриппу Неттесгеймского, Иоганна Фауста и Иоганна Вольфганга Гёте, может быть дополнен фигурой *Парацельса* (1493?–1541) – врача и ученого, чья прижизненная и посмертная репутация складывалась на пересечении образов чернокнижника, алхимика, выскочки-дилетанта, гения, пророка и мудреца. В 1928 г. в свет вышла книга немецкого поэта и литературоведа Фридриха Гундольфа «Парацельс». Претендуя на статус научной биографии Парацельса, работа Гундольфа более напоминала развернутый панегирик Теофрасту Бомбасту фон Гогенгейму. Главным содержанием жизни Парацельса, считал Гундольф, была борьба со старой, отжившей, безнадежно испорченной схоластическим начетничеством медициной. Не получивший полноценного университетского образования, Парацельс руководствовался здравым смыслом, практикой, опытным знанием:

Вероятно, ни один современник Фауста не воплотил в жизнь фаустовское мышление так полно, как Парацельс. «К словам природы будь не глух – и ты узнаешь ход светил». В ту пору, как и во все времена, простонародью и ремесленному люду были свойственны отчасти ребяческая жажда познания и умение раздобывать эти знания, что

³⁸ ОБЭРИУ <Декларация> // Ванна Архимеда. Л., 1991. С. 461.

вызывалось жизненной необходимостью. Черпать знания из этого житейского моря, а не из книжных размышлений, вводить повседневную эмпирику в самом широком понимании в светлую волю и осознанное исследование <...> – вот какой цели неизменно подчинены все его деяния. Это вполне отвечает духу эпохи, которая повсеместно стремилась уйти от обветшалых и застывших авторитетов и вернуться к чистым родникам и живым истокам³⁹.

Мог ли Хармс быть знаком, хотя бы понаслышке, с сочинением Гундольфа? Это станет темой наших дальнейших разысканий. Так или иначе, Хармс был, безусловно, знаком с фигурой Парацельса и его противоречивой репутацией, будучи вдумчивым читателем и собирателем литературы по оккультизму⁴⁰. С Парацельсом сравнивает Агриппу в своей книге и Орсье⁴¹.

Возможно, именно изучение чинарско-обэриутских бытовых ритуалов и суждений в контексте русской и европейской парацельсианы позволит собрать представленные здесь разрозненные наблюдения в более цельную картину.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00481, ИРЛИ РАН).

Acknowledgements

The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 21-18-00481, IRLI RAS).

Литература

Александров 1993 – Александров А.А. Материалы о Данииле Хармсе и стихи его в фонде В.Н. Петрова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 г. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1993. С. 184–213.

³⁹ Гундольф Фр. Парацельс. СПб., 2014. С. 10.

⁴⁰ Напр.: Блаватская Е.П. Теософский словарь [1892]. М., 2003. С. 398. См. также: Терапиано Ю.К. О Лидии Рындиной — эзотеристе / Из дневников Л.Д. Рындиной // Богомолов Н.А. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М., 2010. С. 365.

⁴¹ См. Орсье Ж.Ф. Агриппа Неттесгеймский: Знаменитый авантюрист XVI в. М., 1913. С. 20.

- Богуславский 1990 – *Богуславский В.М.* Скептицизм в философии. М.: Наука, 1990. 272 с.
- Иоффе 2012 – *Иоффе Д.* Прагматика и жизнетворчество (еще раз о концепции авангарда у М.И. Шапира) // *Philologica*. 2012. Vol. 9. No. 21/23. С. 405–421.
- Йовович 2011 – *Йовович Т.* Симулирование науки у Д. Хармса // Научные концепции XX в. и авангардное искусство. Белград: Изд-во филологического факультета в Белграде, 2011. С. 219–229.
- Кобринский 2008 – *Кобринский А.А.* Обэриуты: между эстетическим вызовом и скандалом // *Семиотика скандала: Сб. статей.* М.: Европа, 2008. С. 416–427.
- Кобринский 2009 – *Кобринский А.А.* Даниил Хармс. М.: Молодая гвардия, 2009. 508 с.
- Кобринский 2020 – *Кобринский А.А.* Мастер Петр: несколько штрихов к биографическим мифам Даниила Хармса // *Русская литература*. 2020. № 3. С. 217–231.
- Кукулин 2005 – *Кукулин И.В.* Высокий дилетантизм в поисках ориентира: Хармс и Гете // *Русская литература*. 2005. № 4. С. 66–83.
- Панова 2018 – *Панова Л.* Мнимое сиротство: Хлебников и Хармс в контексте русского и европейского модернизма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 608 с.
- Скиннер 2018 – *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли: В 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 464 с.
- Шубинский 2008 – *Шубинский В.* Даниил Хармс: жизнь человека на ветру. СПб.: Вита Нова, 2008. 740 с.
- Lehrich 2003 – *Lehrich Ch.I.* The language of demons and angels: Cornelius Agrippa's occult philosophy. Leiden; Boston: Brill, 2003. 265 p.

References

- Alexandrov, A.A. (1993), “Materials about Daniil Harms and his poems in the archive of V.N. Petrov”, in *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1990 g.* [Pushkin House Yearbook for 1990], Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskii proekt», Saint-Petersburg, Russia, pp. 184–213.
- Boguslavsky, V.M. (1990), *Skeptitsizm v filosofii* [Skepticism in philosophy], Nauka, Moscow, Russia.
- Ioffe, D. (2012), “Pragmatics and Lebenskunst (once again on the M.I. Shapir's concept of the avant-garde)”, *Philologica*, vol. 9, no. 21/23, pp. 405–421.
- Jovovich, T. (2011), “Simulating science by D.I. Harms”, in *Nauchnye kontseptsii XX veka i avangardnoe iskusstvo* [Scientific concepts of the 20th century and art of avant-garde], Izdatel'stvo filologicheskogo fakul'teta v Belgrade, Belgrade, Serbia, pp. 219–229.
- Kobrinsky, A.A. (2008), “Oberiuty: between the aesthetic challenge and the scandal”, in *Semiotika skandala. Sbornik statei* [Semiotics of scandal. A collection of articles], Evropa, Moscow, Russia, pp. 416–427.

- Kobrinsky, A.A. (2009), *Daniil Kharms* [Daniil Kharms], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Kobrinsky, A.A. (2020), “Master Peter: Several touches on the biographical myths of Daniil Kharms”, *Russkaya literatura*, no. 3, pp. 217–231.
- Kukulin, I.V. (2005), “High dilettantism in search of a landmark: Kharms and Goethe”, *Russkaya literatura*, no. 4, pp. 66–83.
- Lehrich, Ch.I. (2003), *The language of demons and angels: Cornelius Agrippa's occult philosophy*, Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA.
- Panova, L. (2018), *Mnimoe sirotstvo. Khlebnikov i Kharms v kontekste russkogo i evropeiskogo modernizma* [Illusory orphanhood. Khlebnikov, Kharms in the context of literary modernism], Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ehkonomiki, Moscow, Russia.
- Skinner, Q. (2018), *Istoki sovremennoi politicheskoi mysli: V 2 t. T. 1. Ehpokha Rennanssa* [The origins of modern political thought: In 2 vols. Vol. 1. The Renaissance], Izdatel'skii dom «Delo» RANKhIGS, Moscow, Russia.
- Shubinsky, V. (2008), *Daniil Kharms: Zhizn' cheloveka na vetru* [Daniil Kharms. A man's life in the wind], Vita Nova, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Игорь А. Кравчук, Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4; kolesovan@gmail.com

Information about the author

Igor A. Kravchuk, The Institute of Russian Literature, RAS (Pushkin House), Saint Petersburg, Russia; bld. 4, Makarov Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; kolesovan@gmail.com